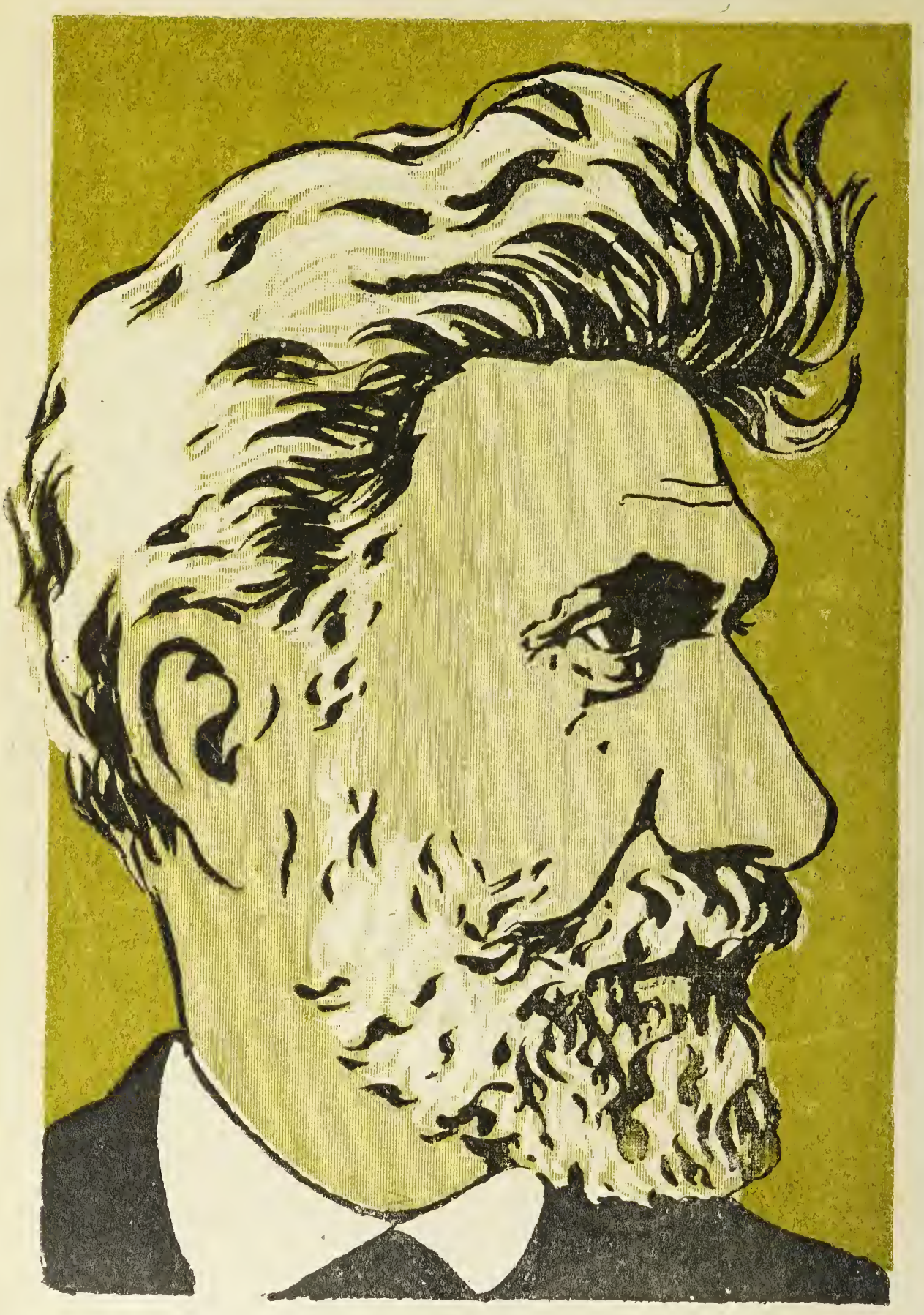
№ 4.
1906 г.

АРГУСЪ

Цѣна
10 ко



Бебель.

Онъ умеръ!... Весь въ бѣломъ съ простреленной грудью
Въ могилу сошелъ онъ со свѣтлымъ лицомъ.
Укоромъ пусть совѣсти станетъ онъ людямъ,
Считавшимъ страдальца неправымъ борцомъ.
Онъ умеръ!... Но память о немъ сохранится
Среди поколѣній; могилу его
Рыбакъ вамъ укажетъ:—тамъ море пѣнится,
Тамъ бѣлая чайка кружитъ высоко....

КАКИМИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЧИНОВНИКИ.

(По инструкціи начальства въ будущемъ).

(Около испуганно стоящаго на вытяжку за столомъ стараго чиновника— два другихъ).

— Иванъ Иванычъ, обратите вниманіе: это что-же такое? Господинъ дѣлопроизводитель читаетъ газету не разрѣшенную нашимъ департаментскимъ начальствомъ! Разъ вы занимаете должность канцелярскаго наставника, на вашей обязанности лежитъ слѣдить за поведеніемъ чиновниковъ, ввѣренныхъ вашему надзору.

— Виноватъ, ваше превосходительство... Этотъ дѣлопроизводитель постоянно обнаруживаетъ дурныя наклонности...

Послѣ ухода начальника канцеляріи, канцелярскій наставникъ вырываетъ изъ рукъ дѣлопроизводителя либеральную газету, рветъ ее на клочки и грозно приказываетъ дѣлопроизводителю:

— Въ уголъ! Сейчасъ становитесь въ уголъ...

Дѣлопроизводитель (плача): Простите Иванъ Иванычъ! Я больше не буду!...

— Въ у-у-уголъ!!..

(Чиновникъ среднихъ лѣтъ и грозный старый начальникъ за столомъ).

— По моему убѣжденію, ваше превосходительство...

— Что такое: у васъ есть „убѣжденія?“ Да развѣ у чиновника могутъ быть убѣжденія, когда онъ получаетъ жалованье? Завтра же подайте прошеніе объ отставкѣ!..

(Чиновникъ и молодая курсистка. на улицѣ, въ лунную ночь).

Онъ. — Если-бы вы знали, какъ я васъ люблю, но намъ никогда не суждено принадлежать другъ другу и мы должны пойти разными дорогами...

Она. — Почему-же?

— Я не могу на васъ жениться. У насъ по департаменту, сдѣлано распоряженіе, предписывающее холостымъ чиновникамъ жениться на институткахъ, а вы—курсистка! Такъ что это даже строжайше воспрещено.,. Если узнаютъ, что я только гуляю съ вами, и то меня могутъ въ карцеръ посадить!

(Министръ пріѣхавшій въ отдѣльную канцелярію и начальникъ канцеляріи; за столами—опухшіе чиновники).

— Слушайте, что это у васъ, въ канцеляріи, такъ сильно пахнетъ водкой... Да и у чиновниковъ лица какія-то подозрительныя, опухшія... Вѣроятно, они всѣ сильно выпиваютъ...

— Это, ваше превосходительство, не бѣда... Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ чиновникамъ совершенно запрещено заниматься политикой и общественными вопросами имъ никакого другого развлеченія и не осталось... Но если они и бываютъ частенько пьяными, за то ихъ мысли совершенно „трезвыя“ въ политическомъ отношеніи...

— А! Ну это другое дѣло... Тогда это ничего... Вы только устроили-бы вентиляціи получше...

(Дама и мужчина смотрятъ на рядъ придворныхъ каретъ).

— Почему здѣсь стоятъ казенныя кареты? Институтокъ, что-ли привезли?...

— Нѣтъ, въ этихъ каретахъ возятъ на службу и со службы чиновниковъ... Знаете, чтобы на нихъ не могло быть какого-нибудь вреднаго вліянія съ улицы! здѣсь интернатъ чиновниковъ министерства общественнаго благополучія...

Каэмъ.

Грингмутъ и К°: — Взять его! убрать!.. чтобы зря глаза не мозолилъ!..

РЕПРЕСЕНТ.
РЕПРЕСЕНТ.
РЕПРЕСЕНТ.
РЕПРЕСЕНТ.
РЕПРЕСЕНТ.
РЕПРЕСЕНТ.
РЕПРЕСЕНТ.
РАДИКАЛЫ
КОНСТИТУЦ.
ПАРТІЯ 17 ОКТЯБРЯ
ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕН.
ПРАВАЯ ПАРТІЯ
ГРАЖДАНСКІЙ МОРАЛИ

Вынужденная отставка.

О! Всемогущій Мамонъ! Смилостивься и дай денегъ, а то намъ не изъ чего будетъ получать жалованье. Придется подавать въ отставку!...

Образецъ базарнаго остроумія.

(Фотографія нравовъ современной улицы).

Проходя по Сѣнному рынку, гдѣ на широкихъ деревянныхъ площадкахъ, заманчиво были разложены пряники, вниманіе мое обратилъ на себя краснолицый торговецъ, лѣтъ 15-17, бойко выкрикивавшій: „Пулеметы, бомбы, курсистки, студенты, гимназисты хорошіе!“

Меня заинтересовало такое оригинальное зазываніе и я подошелъ ближе, чтобы узнать въ чемъ дѣло? Оказалось, что ловкій торговецъ, такъ окрестилъ свои пряники. Маневръ его удался вполнѣ. Около „пулеметовъ“ „бомбъ“ „курсистокъ“ „студентовъ“ собралась толпа.

— Почемъ фунтъ „пулеметовъ?“ пресерьезно спрашиваетъ рабочій, мрачнаго вида.

— „Тридцать копеекъ-съ, любезно говоритъ торговецъ,—прикажите отвѣсить?“

— „Четверть фунта“, отвѣчаетъ покупатель.

— И четверть фунта „пулеметовъ“ скрываются въ карманѣ покупателя.

— А почемъ фунтъ „курсистокъ?“ спрашиваетъ гимназистъ, скрививъ рожу и оскаля бѣлые крупные зубы.

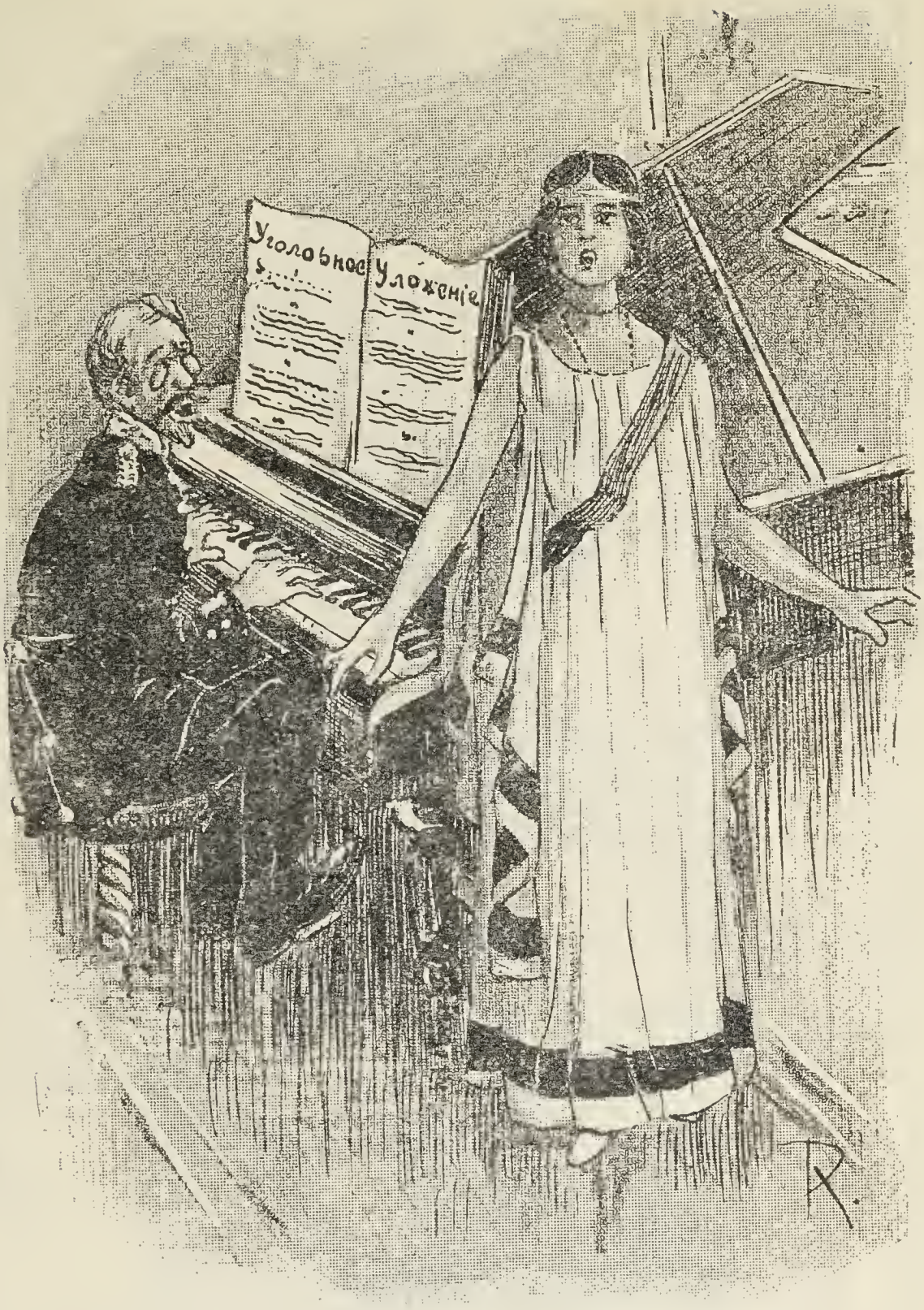
— „Сорокъ копѣекъ-съ“ также любезно отвѣчаетъ остроумный торговецъ.

И фунтъ „курсистокъ“ благополучно скрывается въ карманѣ ихъ усерднаго любителя-гимназиста.

Какая-то барышня, въ красной шляпѣ и съ красной повязкой на шеѣ, пріобрѣла цѣлыхъ два фунта „бомбъ“ и фунтъ „студентовъ“ и поспѣшно скрылась.

Это-ли не по современному?

Иванъ Наблюдательный.



Современная муза.

Прокуроръ-акомпаніаторъ. — Осторожнѣе! Не возьмите фальшивую ноту!

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Getty Research Institute

https://archive.org/details/argus04unse

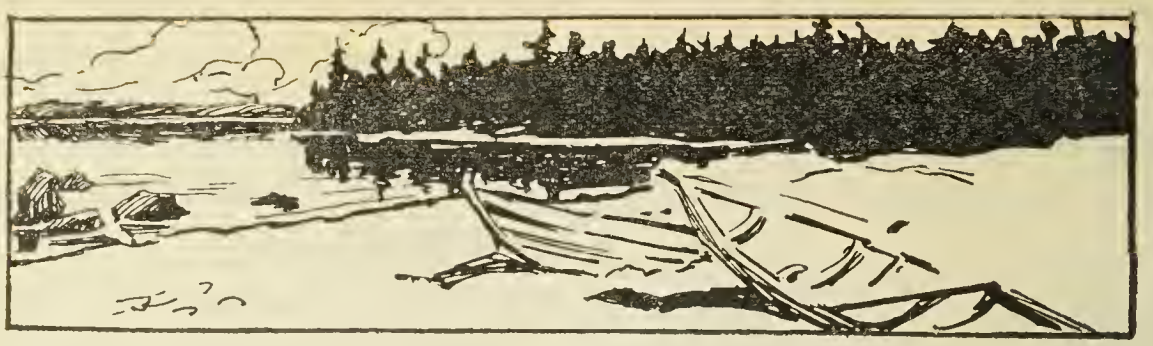
НЕДѢЛЯ АРГУСА.

Русская печать (въ ужасѣ): „Ой батюшки, кажется ужъ совсѣмъ меня задавить хотятъ?"

(Къ налогу на бумагу).

Иллюстрація къ полной „СВОБОДѢ ДѢЙСТВІЙ" азарта въ столицѣ.

(Съ натуры).



ПОѢЗДЪ.

Продолженіе *).

А они, протискиваясь сквозь толпу, шли въ молчаніи, съ понуренными головами, какъ бы желая отдалить роковой моментъ открытія ужасной тайны. Такъ дошли они до конца перрона, дальше итти некуда было и тутъ начальникъ движенія обернулся и, взглянувъ на всѣ любопытныя лица нарядной толпы, поблѣднѣлъ еще болѣе и произнесъ глухимъ взволнованнымъ голосомъ:

— Уважаемые граждане города Ришвиля! Мы получили телеграммы, которыя я считаю своимъ долгомъ сообщить всѣмъ...

— Навѣрно что нибудь дурное—произнесъ кто-то.

— Какой нибудь крахъ! отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Тише, тише—раздалось громче.

— Всѣ смолкли, а начальникъ началъ читать депеши, слова которыхъ какъ свинецъ падали на сердца слушателей, съ каждымъ словомъ все тяжелѣе, все яснѣе и ужаснѣе.

„И ходъ поѣзда не уменьшается"... наконецъ окончилъ онъ. Поднялъ глаза и ему казалось, что онъ стоитъ передъ мертвецами, такъ сине-блѣдны были всѣ лица, бѣлы уста, а глаза мутные-какъ матовое стекло. Въ заднихъ рядахъ еще не знали, что случилось, но очевидно догадывались, что случилось что то необыкновенное и страшное.

— Что такое? что случилось? Говорите! раздались нервные голоса и по мѣрѣ сообщенія ужасной вѣсти все затихало и превратилось наконецъ въ мертвую тишину и какъ бы окаменѣло.

Наконецъ замершая толпа встрепенулась. Глаза всѣхъ вперились въ блѣдное лицо начальника, какъ бы ожидая отъ него успокоенія.

Онъ же почуявъ на себѣ пристальные взгляды толпы отвернулся и машинально глядѣлъ на рѣку.

Тысячи взглядовъ послѣдовали его примѣру и огромный ужасъ объялъ всѣхъ. Вьющаяся у ногъ обрыва лента дороги была отвѣтомъ.

Сердца всѣхъ замерли, раздалось нѣсколько мучительныхъ стоновъ, перешедшихъ въ одно общее рыданіе.

Этотъ взрывъ неописуемаго горя и страданія до сихъ поръ веселой и нарядной толпы, какъ бы разбудилъ стоявшаго до сихъ поръ въ сторонѣ, въ глубокой задумчивости, человѣка.

Человѣкъ этотъ отличался отъ элегантной толпы не только своей простой сѣрой одеждою, но и лицомъ, темнымъ, почти бронзовымъ, какъ бы загорѣлымъ отъ солнца или отъ дыму. Черты его лица были грубы, но полны энергіи и силы воли!

---

*) См. № 3 Аргуса.

Его атлетическая фигура, такъ непохожа на всю эту тщедушную, утонченную рафинированную толпу, была поистинѣ прекрасна! Онъ отдѣлился тотчасъ-же отъ этой толпы и увѣренными шагами началъ быстро удаляться отъ Ришвиля, идя вдоль рельсовъ.

За два километра отъ станціи висѣлъ поперекъ мостикъ для пѣшеходовъ, подъ которымъ проходили поѣзда.

Здѣсь человѣкъ сошелъ съ рельсовъ, быстро вскарабкался на насыпь и остановился на мосту. Солнца уже не было видно, только розоватыя облака тонули во мглистыхъ берегахъ. На лиловомъ небѣ ясно вырисовывались телеграфные столбы. Впереди желтѣло полотно желѣзной дороги и блестѣли рельсы линіи.

Вскорѣ погасъ послѣдній отблескъ зари. Все начало постепенно тонуть во мракѣ. Кругомъ было сумрачно и тихо.

Откуда то поднялся вѣтерокъ. Лазуревое небо окрасилось въ темносиній цвѣтъ съ блестѣвшими на немъ звѣздами. Тихо взошла лѣтняя ночь.

Человѣкъ на мосту сбросилъ шапку, разстегнулъ куртку на груди и жадно сталъ вбирать въ себя свѣжій прохладный воздухъ. Минутами онъ оглядывался назадъ и видѣлъ блѣдное отраженіе электрическихъ огней; вглядываясь пристально впередъ, онъ видѣлъ только темную даль. Онъ напряженно глядѣлъ впередъ и прислушивался внимательно.

— Какъ будто уже идетъ?—шепнулъ онъ наконецъ. И на самомъ дѣлѣ, вдали замигали двѣ огненныя, все увеличивающіяся точки. Вскорѣ уже можно было различить, что это два большіе рефлектора приближающагося поѣзда. Вотъ показался дымъ и изъ мрака вынырнулъ огромный локомотивъ, глухо катившійся по рельсамъ, за нимъ послушно тянулась цѣпь вагоновъ. Въ первомъ помѣщался учительскій персоналъ. Въ немъ было душно и царила мертвая тишина, прерываемая вздохами учительницъ и учителей, спавшихъ на скамейкахъ сномъ тяжелымъ, безъ мечтаній и сновидѣній.

На ихъ увядшихъ, изнуренныхъ лицахъ лежала печать нужды и равнодушія мертвыхъ. При блѣдномъ мерцаніи угасающей лампы они производили впечатлѣніе запыленныхъ статуй, сброшенныхъ вѣтромъ съ пьедесталовъ своихъ. Нѣкоторые спали съ закрытыми лицами, какъ-бы чего то стыдясь, или боясь свѣта. Бѣдные! они не знали, что ждетъ ихъ впереди смерть, хотя смерть была-бы для нихъ только—непробужденіемъ!

Дальше, въ вагонахъ были, смотря по старшинству, размѣщены дѣти, мальчики и дѣвочки, различныхъ лѣтъ и возрастовъ.

Старшія большею частью спали тревожно. Нѣкоторыя во снѣ схватывались за скамейки, какъ бы стараясь удержаться за что нибудь, но слабыя ихъ руки падали безпомощно внизъ, а изъ груди вырывались глубокіе жалобные вздохи о своемъ безсиліи!

На лицахъ другихъ лежала печать тоски. Глаза нѣкоторыхъ были полуоткрыты, въ нихъ можно было прочесть испугъ и нѣмую печаль; у нѣкоторыхъ изъ глазъ текли крупныя слезы. Нѣкоторыя вздрагивали, ворочались безпокойно, ловя побѣлѣвшими губами воздухъ. Другимъ, снились очевидно чудные, роскошные сны; они протягивали впередъ руки и улыбались, но въ улыбкѣ этой было болѣе меланхоліи чѣмъ радости. Всѣхъ какъ-бы соединяли какія то неясныя предчувствія и безпокойство.

Младшія поэтому не могли уснуть и, собравшись маленькими группами, тихо болтали. Какой-то мальчикъ, сидящій на полу, съ головою лежащею на колѣняхъ дѣвочки, просилъ ее сквозь рыданья:—Оставь меня, оставь меня!....

— Она, съ чисто материнскимъ чувствомъ обняла его голов обѣими ручками и, нагнувшись къ нему, шептала:—Такъ, хорошо тебѣ?

— Да, хорошо—отвѣтилъ ей немного успокоенный мальчуганъ.

— Почему? спрашивала его опять дѣвочка.

— Потому-что не думаю ни о чемъ—отвѣтилъ тотъ и, обнявъ ее за шею, закрылъ глаза.

Въ другомъ углу, у окна, блѣдный, съ нѣжнымъ и печальнымъ личикомъ мальчикъ, показывая другимъ летящія искры, говорилъ:

— Блестятъ, чтобы погаснуть....

— А что останется отъ нихъ?—шепнулъ кто то сбоку.

— Дымъ—отвѣтилъ мальчикъ, весь дрожа какъ въ лихорадкѣ. И снова онъ сидѣлъ въ молчаніи и такимъ казался маленькимъ, жалкимъ, безпомощнымъ, что сосѣдняя дѣвочка, думая что онъ ѣсть хочетъ, дала ему пирожное.

— Не хочу ѣсть, но у меня болитъ голова и какъ-то пусто здѣсь—указывалъ онъ на грудь свою...

Въ концѣ вагона небольшая кучка дѣтей старалась открыть плотно захлопнутую дверь. Отъ усилій крупный потъ выступилъ на ихъ личикахъ. Кто-то изъ нихъ

поскользнулся и упалъ, остальныя обступили его и жаловались со слезами:—Какіе мы слабые!!..

Между тѣмъ свѣчи въ фонаряхъ догарали, и по мѣрѣ надвигавшейся темноты страхъ и плачъ дѣтей все возрасталъ.

Испуганные, мчавшіяся съ огромной быстротой, они все громче и громче рыдали.

Неустанный шумъ колесъ заглушалъ рыданья, а неумолимый локомотивъ, окутывая весь поѣздъ волнами дыма, летѣлъ все впередъ, таща за собою вагоны съ будущими гражданами Ришвиля на погибель и смерть!

(До слѣдующаго номера).

Скоро опредѣлила.

— Ваша собачка, сударяня, очень понравилась моему „Бюрократу".

— Въ такомъ случаѣ, отстаньте пожалуйста! Если вы дали подобную кличку вашей собакѣ, то значитъ вы—неблагонамѣренный и хотите приволокнуться за мною съ пустымъ карманомъ!

Новый сфинксъ.

Обыватель — Вотъ изволь ждать отъ этого каменнаго чудовища скораго отвѣта на всѣ твои мучительные вопросы! Да еще при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ...

ВЕЛИКОПОСТНЫЕ НАБРОСКИ.

— Редакторъ — Уже сколько лѣтъ, знаете, не говѣлъ, а нынче можетъ быть придется...

— Почему?

— А вотъ если въ тюрьму посадятъ... невольное говѣнье выйдетъ!

(Старый чиновникъ и жена-ханжа).

— Охъ, надо нынче хорошенько поговѣть! Авось, Богъ грѣха проститъ...

— Поговѣй, поговѣй! Адъ-то вѣдь страшный...

— Что адъ! Что адъ?... Я вовсе не ада боюсь, а вотъ государственной думы... Для нашего брата, бюрократа, это можетъ быть хуже, чѣмъ адское наказаніе...

(Молодой купецъ, развалясь на креслѣ съ сигарой, и старуха-купчиха).

— Я такъ полагаю, что нынче говѣть вовсе не нужно и постничать тоже не нужно...

— Да вѣдь грѣхъ это—не говѣть и не постничать?!..

— Я такъ полагаю, что нынче этотъ самый грѣхъ совершенно отмѣняется на основаніи обнародованной свободы совѣсти...

(Монахъ и аппетитная дамочка, за ширмами).

— Тѣлесное цѣломудріе соблюдаете?

— Грѣшна, батюшка; нѣтъ...

— Ну, моя милая, для такой красавицы грѣшнѣе было-бы, кабы было наоборотъ...

(Толпа бабъ; одна тискается сквозь толпу; другая обращается къ ней гнѣвно).

— Ну, куда тискаешься-то? Куда тискаешься?

— Куда тискаюсь! Къ исповѣди иду!

— Всѣ мы къ исповѣди идемъ! Што у тебя грѣхи-то дворянскіе, штоли, што тебя впередъ всѣхъ пустить?

(Двѣ старухи на пути въ церковь; одна считаетъ на ладони деньги).

— Не знаю вотъ, какую свѣчку-то купить: въ пятачекъ, или за три копейки!

— А ужъ это смотря по грѣхамъ.

— Думается такъ, што грѣховъ-то немного... и трехкопеечной свѣчки было-бы достаточно!

(Приживалка и испуганная купчиха за столомъ).

— Капуста, благодѣтельница моя, тоже скоромное яство! Въ строгихъ монастыряхъ не ѣдятъ...

— Почему-же капуста-то скоромная?

— А потому, что на огородѣ-то усѣченіе главы ейней происходитъ: ножами рѣжутъ ее съ кочерыжки-то!

Предвыборная агитація среди рабочихъ.

(Картинка съ натуры).

Чрезвычайная охрана.

АРГУСЪ

художественный политическій сатирическій журналъ.

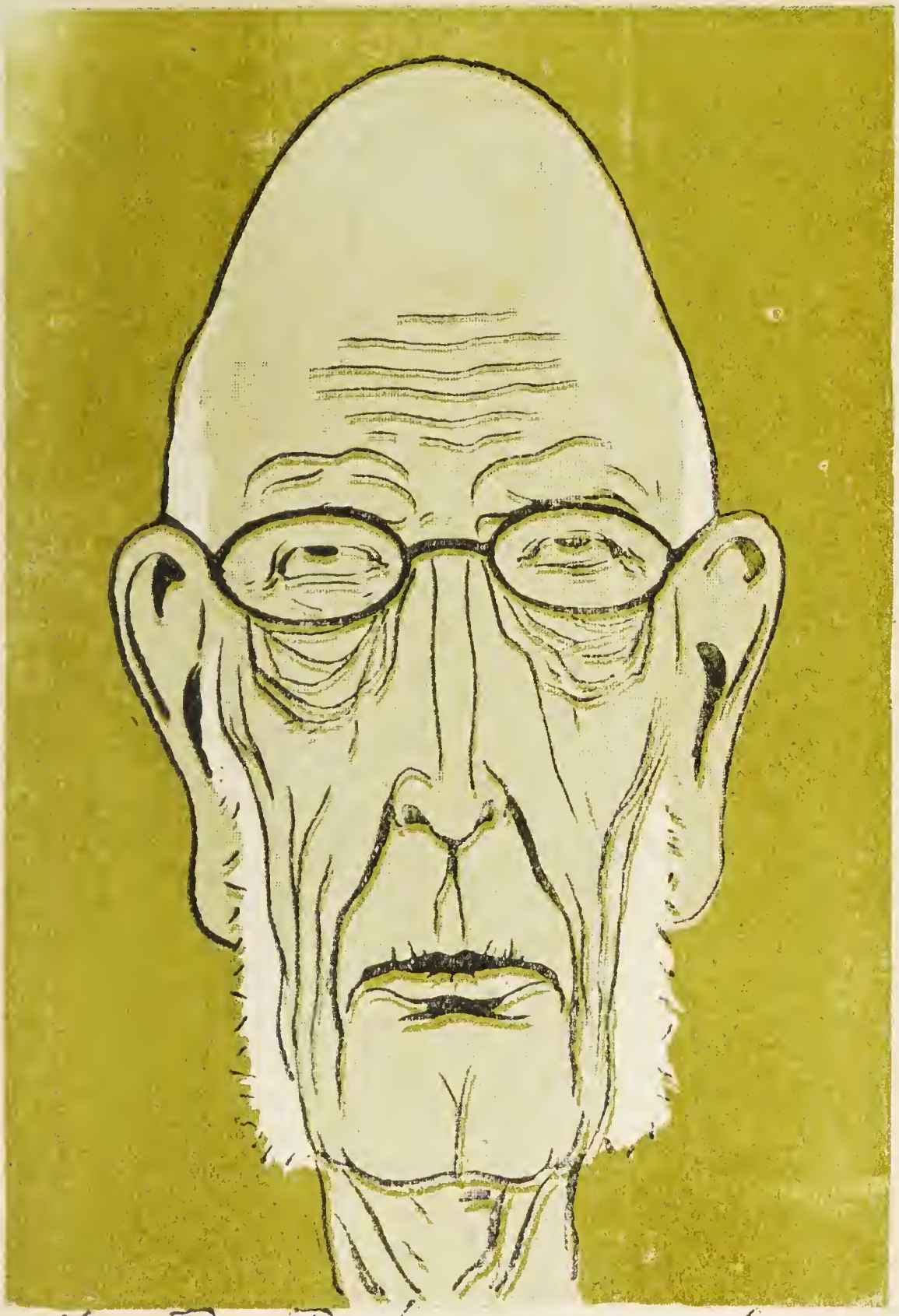
Выходитъ каждую Субботу. Подписная цѣна на 3 мѣс. ОДИНЪ РУБЛЬ.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ: С.-Петербургъ, Фонтанка 68.

Телефонъ № 2424.

Редакторъ-Издатель Кандидатъ правъ *С. А. Чиколини.*

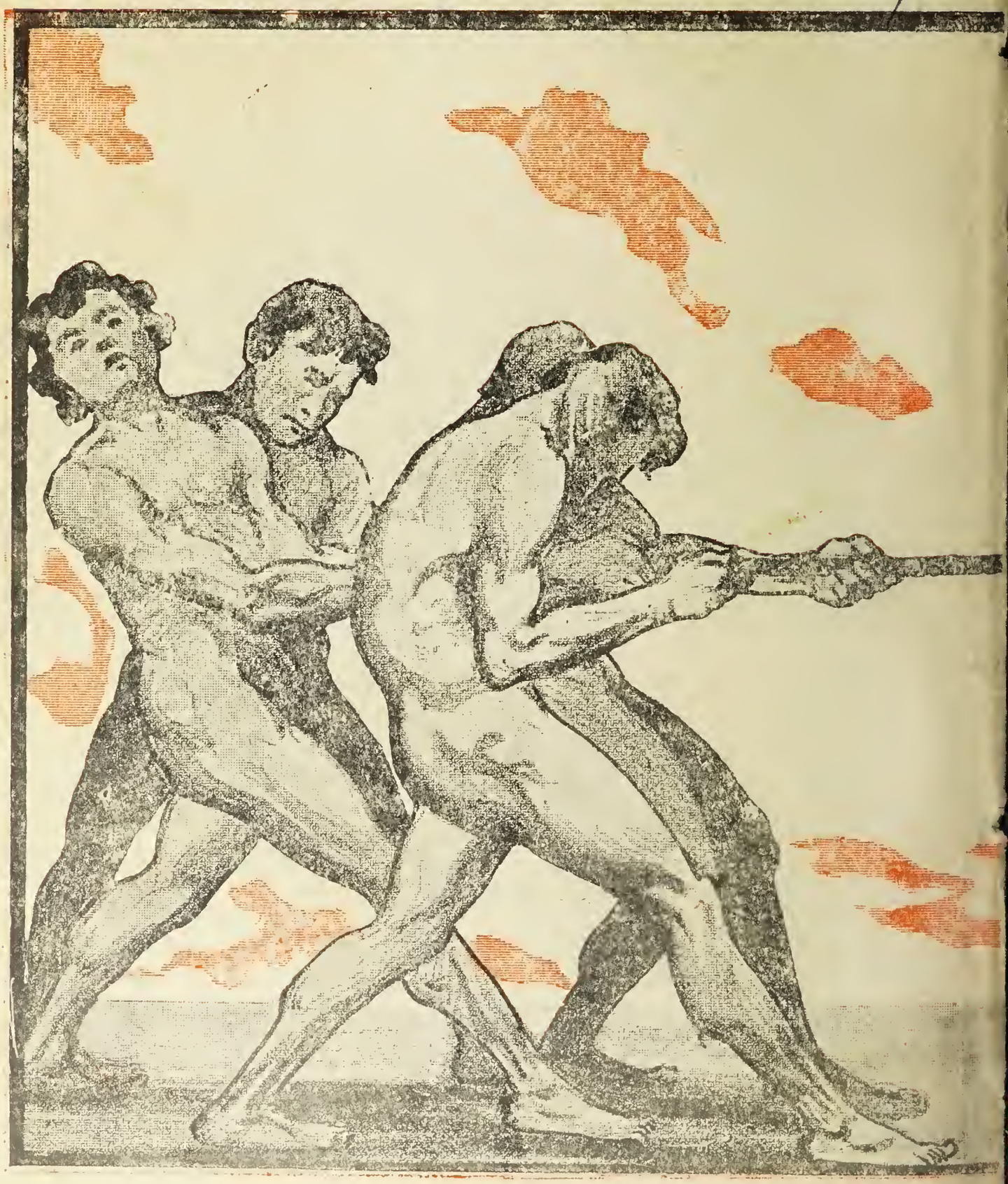
Печатано въ типографіи С. А. Чиколини. С.-Петербургъ, Фонтанка 68.



К. П. Побѣдоносцевъ.

№ 4.
906 г.

АРГУСЪ

Цѣна
10 коп.

3
191632/338